

И.И. Ермолаева
Уральский госуниверситет
(Екатеринбург)

ИЛЛОКУТИВНАЯ СТРУКТУРА ЛИРИЧЕСКИХ ОТСТУПЛЕНИЙ (на материале произведений Н.В. Гоголя)

Одна из основных линий развития прагматики в последние годы - это исследования, направленные на моделирование интеллектуальных процессов человека. Устройство интел-лектуальных процессов, как и других психологических механизмов, находит свое отражение в иллокутивном аспекте речи, неотделимом от прагматических факторов. Иллокутивная структура текста отражает мир мыслительных действий автора.

Лирическое отступление (далее - ЛО, или включенный текст) является вполне законченным образованием, если рассматривать его в иллокутивном аспекте речи. Оно представляет собой определенную систему последовательных ментальных актов, которая состоит из набора эпизодов, являющихся ментальными образованиями.

Анализ когнитивной структуры включенного текста проще всего начать с анализа лирических фрагментов, в которых встречаются "суждения, касающиеся ментального состояния субъекта и описывающие содержание его мнения (субъективно, возможно, "знания") [1, с. 80]. Формальными показателями наличия таких суждений являются предикаты, которые отражают мыслительные действия и состояния автора: *знать, полагать, считать, думать, понять*. Присутствие таких "ментальных" предикатов позволяет с большей точностью представить операционную сторону принятия решения и выделить ментальные акты, из которых она складывается.

Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши, и, если вы пройдете, они оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды. Я до сих пор не могу понять, отчего это бывает. Сначала я думал, что они сапожники, но, однако же, ничуть не бывало: они большей частью служат в разных департаментах, многие из них превосходным образом могут написать отношение из одного казенного места в другое; или

же люди, занимающиеся прогулками, чтением газет по кондитерским, словом, большей частью все порядочные люди (Гоголь Н.В. "Невский проспект").

Экзистенциальная интродуктивная часть данного ЛО представляет собой констатацию имеющегося в действительности факта: утверждается наличие группы или класса субъектов, которые действуют определенным образом в конкретной ситуации "встречи с незнакомым человеком". Актуализация количественного атрибута "класса субъектов" предполагает повторяемость данной ситуации (*множество людей*), а то, что автор использует местоимение *вы* (в данном случае это соединение *я и вы: сапоги ваши, ваши фалды, вы пройдете*) говорит о том, что речь идет о типе людей, достаточно известном читателю.

Исходная ситуация подразумевает постановку проблемы, которая реализуется автором в вопросе: отчего это бывает? Само рассуждение по этому поводу построено следующим образом:

1. Ставится вопрос, который объявляется изначально неразрешимым ("*Я до сих пор не могу понять, отчего так бывает*"); выражение *до сих пор* относит весь фрагмент ко времени раздумий. Рассуждение вызвано ментальным состоянием думающего субъекта и связано с "интеллектуальным дискомфортом, который вызывается присутствием в уме неразрешенного вопроса" [1, с. 55]. Далее следует логическая ретроспекция, которая должна показать весь ход рассуждений с указанием на последовательность ментальных актов.

2. Начало логического поиска: "*сначала я думал, что...*". "Русские глаголы *полагать, думать, считать* никогда не бывают коммуникативным фокусе, то есть в центре внимания не само наличие мнения в сознании субъекта, а содержание мнения" [1, с. 51]. Глагол *думать* обозначает просто наличие в сознании субъекта суждения об истинности некоторой пропозиции, которая заключается в изъяснительном придаточном предложении. Изначально поиск решения проблемы идет по самому простому пути - любопытство может быть профессиональным (когнитивная процедура избирательности - внимание к отдельно взятому предмету).

"... непременно посмотрят на сапоги ваши" = они сапожники.

Компонент *сначала* показывает, что пропозиция заведомо ирреальная и вводится лишь как отправная точка для дальнейшего осмысления.

3. Отклонение найденного решения: *"... однако же ничуть не бывало..."*.

Далее перед автором два пути: а) поиск нового решения; б) объяснение, почему ранее найденное решение отменено.

Рассуждение естественным образом переключается на профессиональную характеристику людей названного типа: *"они не сапожники, потому что они..."* (когнитивная процедура исключения). Вопрос "Почему эти люди любопытны?" заменяется на вопрос "Кто они?". И оказывается, что они служат в разных департаментах или нигде не служат (*"занимающиеся прогулками, чтением газет по кондитерским"*).

Представленная характеристика основана на долгом наблюдении за людьми этого типа, а за ней следует несколько неожиданный вывод.

4. Вывод: *"... словом, большею частью все порядочные люди"*. Парадоксальность этого заключения в том, что оно не подготовлено ходом предыдущего размышления, из которого следует логически правильный вывод, что люди описанного типа - откровенные бездельники (= порядочные).

Рассуждение о частной поведенческой особенности этих людей переходит в рассуждение об их социальном назначении. Для чего автору нужно было показать процесс размышления над проблемой, решение которой тривиально (эти люди любопытны, потому что просто любопытны и потому что им больше нечем заняться). Видимо, отчасти для того, чтобы заключение было несколько неожиданным и придало бы всему ЛО ироническое звучание. Дисгармония начала и конца, логическая несостоятельность заключения смещает акцент с процесса размышления автора на характеристику "множества" людей и показывает отношение автора к понятию "порядочности", которое принято в данном обществе. "Порядочность" предлагает определенный образ жизни: служба в департаменте (единственная обязанность человека, находящегося на этой службе, - написать *"превосходным образом отношение из одного казенного места в другое"*), прогулки, чтение газет по кондитерским и т.д. (Согласно таким представлениям, сапожник - непорядочный человек.) Аномальность подобных представлений становится очевидной,

когда автор намеренно парадоксально строит свои размышления, которые приводят к "невытекающему заключению", ставящему под сомнение результативность самого процесса мышления.

Приведем в пример еще одно отступление, в котором есть предикат, описывающий когнитивное состояние автора:

Впрочем, глупость составляет особенную прелесть в хорошенькой жене. По крайней мере, я знал много мужей, которые в восторге от глупости своих жен и видят в ней все признаки младенческой невинности, Красота производит совершенные чудеса. Все душевные недостатки в красавице, вместо того чтобы произвести отвращение, становятся как-то необыкновенно привлекательны; самый порок дышит в них миловидностью; но исчезни она - и женщине нужно быть в двадцать раз умнее мужчины, чтобы внушить к себе если не любовь, то, по крайней мере, уважение (Гоголь Н.В., "Невский проспект").

Обычно предикат *знать* говорит о том, что в высказывании присутствует ментальный модус знания. Конструкция *я знаю* предполагает ориентацию на личный опыт субъекта: "презумпция истинности обусловлена фактичностью глагола *знать*" [1, с. 60].

Автор выдвигает положение, которое нуждается в доказательстве: "... *глупость составляет особую прелесть в хорошенькой жене*", а затем апеллирует к собственным наблюдениям и подчеркивает достоверность своего знания. В чем автор уверен, что он знает? Он понимает, что выдвинутое положение может быть подвергнуто сомнению, тем более, что сам он так не считает, но он "по крайней мере" знает "много мужей", которые так думают. Интересно, что затем автор использует когнитивную процедуру сравнения для того, чтобы еще раз подчеркнуть исходное утверждение, к которому добавляется еще одна истина: глупость - хорошее качество только у красивой женщины ("*все душевные недостатки... необыкновенно привлекательны*") + некрасивой женщине нужно быть умной ("*нужно быть в двадцать раз умнее мужчины*").

Нюанс появляется вследствие новой предполагаемой ситуации ("*но исчезни она [красота] ...*"), которая и помогает по-новому взглянуть на известный предмет.

В "Мертвых душах" мы встречаем лирическое отступление, где автор дает пример рассуждения, выстроенного по всем логическим законам:

Что обе дамы, наконец, решительно убедились в том, что прежде предположили только как одно предположение, в этом ничего нет необыкновенного. (ЛО) Наша братия, народ умный, как мы называем себя, поступает почти также, и доказательством служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подвезжает в них необыкновенным подлицом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? Не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднему времени? Или: не нужно ли под этим народом разуместь вот какой народ? Цитирует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он и получает рысь и бодрится: разговаривает с древними писателями запросто, задает им запросы и сам даже отвечает на них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, - и рассуждение заключено словами: "так это вот как это было, так вот какой народ нужно разуместь, так вот с какой точки зрения нужно смотреть на предмет". Потом во всеуслышанье с кафедры, - и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников.

Сравнение мышления двух дам, озабоченных последними сплетнями и нарядями, и ученого само по себе вызывает улыбку, но ход рассуждения выполнен по реальному образцу с соблюдением элементарных правил. Субъект, которому приписывается это рассуждение, представлен в виде обобщенной номинации: наша братия (народ умный), мы = ученые.

Ход рассуждения следующий:

1. Выдвижение версии: "Сперва ученый... начинает самым смиренным запросом..."

2. Подтверждение или аргументирование версии: "цитирует немедленно тех и других..."

3. Заключение: "и рассуждение заключено словами: "Так вот как было..."

Рассуждение субъекта может быть признано несостоятельным, так как заключение выглядит необоснованным. Серьезных аргументов в подтверждение выдвинутой версии нет ("... *чуть только видит какой-нибудь намек или просто показалося ему намеком...*").

Эта несостоятельность подчеркивается и шутливо-ироничной формой изложения: *подъезжает необыкновенным подлезом; самый смиренный запрос; получает рысь и бодрится; разговаривает с древними писателями запросто.*

Мы уже упомянули сравнение: оно встречается у Н.В.Гоголя практически во всех ЛО. Для того чтобы уяснить механизм сравнения, возьмем ЛО, которое посвящено русским чиновникам, и в котором Гоголь представляет классическую оппозицию "толстый - тонкий".

Это были почтенные чиновники в городе. (ЛО) Увы! Толстые умеют лучше на этом свете обделывать свои дела, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и вливают туда и сюда; их существование как-то легко, воздушно и совсем ненадежно. Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорее место затрещит и ухнетя под ними, а уж они не слетят. Наружного блеска они не любят; на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких; зато в шкатулках благодать божия. У тоненьких в три года не останется ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь - и явился где-нибудь в конце города дом, купленный на имя жены, потом в другом конце другой дом, потом близ города деревенька, потом и село со всеми угодыями. Наконец, толстый, послуживши богу и государю, заслуживши всеобщее уважение, оставляет служ-бу, перебирается и делается помещиком, славным русским барином, хлебосолом, и живет, и хорошо живет. А после него опять тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских все отцовское добро.

Сравнение фигур - это когнитивная процедура, которая связана прежде всего с узнаванием. Первое суждение дает самое общее представление о двух типах чиновников, которые на первый взгляд отличаются только по внешним параметрам - разделение на тонких и толстых заявлено, далее все нужно

объяснить подробнее: "... толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие".

Сравнение происходит по нескольким основаниям:

1. служба: тонкие - "только числятся и виляют туда и сюда"; толстые - "сядут надежно... не слетят";

2. одежда и внешний вид: тонкие - "фрак ловко скроен"; толстые - "наружного блеска они не любят";

3. благосостояние: у тоненького - "в три года не останется ни одной души"; у толстого - "глянь... дом... купленный на имя жены, другой дом, близ города - деревенька, село со всеми угодами...";

4. образ жизни после службы: толстый - "заслуживши всеобщее уважение, делается славным русским баринном... и хорошо живет..."; "тоненькие наследники спускают все отцовское добро".

Схема сравнения может быть представлена при помощи цепочки смежного повтора-подхвата субъекта: толстые - тоненькие --> тоненькие - толстые --> они [толстые] - у тоненьких --> у тоненького - у толстого --> толстый - тоненькие наследники.

Так последовательно, шаг за шагом автор, сравнивая эти два типа людей, дает им подробнейшую характеристику: "предмет" оказывается обрисован во всех деталях.

Еще одна когнитивная процедура, о которой следует упомянуть при анализе лирических отступлений Н.В.Гоголя, - "выделение фигуры из фона" [2, с. 52]. Для иллюстрации возьмем вторую часть лирического отступления из "Мертвых душ", посвященного "метко сказанному русскому слову":

... Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами рассыпано на святой, благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится, пестреет и мечется по лицу земли. И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умнохудощавое слово немец; но нет слова,

которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

Прием сопоставления устанавливает отношения подобия между различными объектами. В приведенном отрывке мы имеем два сопоставляемых ряда - зрительно воспринимаемый ряд: множество церквей, монастырей --> с куполами --> с главами --> с крестами. Логический ряд: несметное множество племен, поколений, народов --> с залогом сил --> с особенностями и дарами от бога --> со своим словом.

Актуализируется последний компонент логического ряда - слово как отличительная особенность каждого народа, как "часть его характера". Слово каждого народа представлено в емкой характеристике, выделяющей его главную отличительную особенность: *"сердцеведением отзовется слово британца"; "легким щеголем блеснет... недолговечное слово француза"; "затейливо придумает свое... умнохудошавое слово немец"*. Но русское слово, поставленное в один ряд со словом любого другого народа, оказывается самым ярким и живым - ему нет равных: *"... но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово"*.

Конструкция с противительным союзом *но* выделяет русское слово среди слов разных языков, возвеличивая его.

Некоторые отступления в произведениях Гоголя имеют вопросно-ответную форму. Исходное суждение в таких ЛО совпадает с вопросом, который направляет разговор в определенное русло, а заключение подводит итог всему размышлению и отвечает на поставленный вопрос.

... и долго почесывал у себя рукой в затылке. (ЛО) Что означает это почесывание? И что вообще оно значит? Досада ли на то, что вот не удалась задуманная назавтра сходка со своим братом в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком, где-нибудь в царевом кабаке, или уже завязалась в новом месте какая зазнобушка сердечная и приходится оставлять вечернее стоянье у ворот и политичное держанье за белы ручки в тот час, когда нахлобучиваются на город сумерки, детина в красной рубахе бренчит на балалайке перед дворовой челядью и плетет тихие речи разночинный отработавшийся народ? Или просто жаль оставлять отогретое уже место на людской кухне под тулупом, близ

печи, да щей с городским мягким пирогом, с тем чтобы вновь тащиться под дождь, и слякоть, и всякую дорожную невзгоду? Бог весть, не угадаешь. Многие разное значит у русского народа почесывание в затылке (Гоголь Н.В. "Мертвые души").

Автор обращает внимание на свойственную русскому человеку привычку почесывать затылок и делает ряд предположений относительно ее.

В этом случае причины такие: досада, "что не удалась сходка"; завязалась "зачнобушка сердечная"; просто жаль оставлять отогретое место.

В тексте мы находим указание на то, что эта привычка проявится в определенных условиях: при негативном восприятии субъектом ситуации (об этом говорят слова категории состояния - *досада, жаль*), когда она должна измениться в худшую сторону ("*... вновь тащиться под дождь, и слякоть, и всякую дорожную невзгону*"). Заключительная фраза "*Многие разное значит у русского народа почесывание в затылке*", по существу, не является ответом на поставленный вопрос и носит формальный характер, тем не менее она обобщает весь представленный иллюстративный материал и оставляет возможность для дальнейших раздумий на эту тему.

Подведем некоторые итоги. Иллокутивная структура включенного текста отражает мир мыслительных действий и состояний автора. Каждое лирическое отступление может быть представлено в виде "набора эпизодов, являющихся ментальными образованиями" [3, с. 263]. В них реализуется: выявление проблемы, описание исходной ситуации, показ возможных результатов решения, формирование суждения, фиксирующего решение.

Мы можем выделить различные типы когнитивных процедур, которые используются автором для раскрытия основной темы лирического фрагмента. Самой распространенной среди них является процедура сравнения (сопоставления), которая предоставляет возможность множественной интерпретации темы и позволяет охарактеризовать субъект в его отличительных особенностях.

Литература

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? //Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.

2. Гулыга О. А. Восприятие и тождество: (на материале французского языка) //Высказывание и текст: комплексный подход к тексту. М., 1989.

3. Поляк О. Е. Утвердительные иллокуции в аргументированном тексте //Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тез. междунар. науч. конф. М., 1995, т. 1.

Н.В. Козловская

Педагогический университет
им. А.И.Герцена
(Санкт-Петербург)

ПРЕДМЕТНАЯ ЛЕКСИКА В КАРТИНЕ МИРА В.НАБОКОВА

(на материале романа "Другие берега")

Проблема воплощения языковой картины мира автора в художественном тексте неразрывно связана с характеристикой использованных в литературном произведении лексических средств. При этом существенной оказывается преимущественная ориентация автора на слова конкретной семантики или, напротив, на слова с отвлеченным значением. В произведении Набокова "Другие берега" конкретно-предметной лексике принадлежит особое место.

"Предметная семантика, - пишет В.Коньков, - в языке противопоставляется значениям отвлеченного типа. В этом противопоставлении зафиксирована прежде всего противопоставленность двух сфер существования человека. С одной стороны, человеческая жизнь протекает в мире "вещей", материальных объектов, которые в языке получают номинацию и классифицируются. С другой стороны, не менее важными оказываются нематериальные объекты, элементы сознания, представленные языковыми значениями через посредство текстов" [1].